

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 20–29

Izvestiya of Saratov University. Earth Sciences, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 20–29

<https://geo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7663-2025-25-1-20-29>, EDN: GNEDVX

Научная статья

УДК 911

Неравномерность регионального развития Волго-Уральского макрорегиона: уязвимая провинция

Ю. В. Преображенский

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Преображенский Юрий Владимирович, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии, topofag@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2774-0554>

Аннотация. Проблема регионального развития, связанная с воспроизводством человеческого капитала, с каждым годом становится всё актуальнее. В связи с этим возникает необходимость анализа возможностей перераспределения человеческого капитала внутри территориальных систем мезо- и макроуровня. На примере Волго-Уральского макрорегиона России рассматривается состав основных зон, различающихся потенциалом роста. Особое внимание уделяется зоне полупериферии или зоне равновесия. По материалам 2018–2023 гг. анализируется изменение качества городской среды и динамика людности городов Волго-Уральского макрорегиона. На примере Саратовской области показывается изменение соотношения городов разного класса людности. Выявляются факторы на разных пространственных иерархических уровнях, которые способны оказывать влияние на соотношение зон развития, равновесия и депрессивных. Делается вывод о сложном экономическом состоянии населённых пунктов в зоне равновесия и её исчерпанию как источника человеческого капитала для центральных городов.

Ключевые слова: Волго-Уральский макрорегион, провинция, полупериферия, зона равновесия, Саратовская область, региональное развитие, центр-периферия

Для цитирования: Преображенский Ю. В. Неравномерность регионального развития Волго-Уральского макрорегиона: уязвимая провинция // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 20–29. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2025-25-1-20-29>, EDN: GNEDVX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The disparity in development across the Volga-Ural region: A fragile semi-periphery

Yu. V. Preobrazhenskiy

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yuri V. Preobrazhenskiy, topofag@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2774-0554>

Abstract. The issue of regional development in relation to the reproduction of human capital is becoming increasingly urgent every year. Therefore, it is necessary to analyze the potential for redistributing human resources within meso- and macro-territorial systems. Using the example of the Volga-Ural macro-region in Russia, the main areas with varying growth potential are considered. Special attention is given to the semi-peripheral or equilibrium zone. Based on data from 2018 to 2023, we analyze changes in the quality of urban environments and urban population dynamics in the Volga-Ural region. Using the example of the Saratov region, we show changes in the distribution of cities according to population size. Factors at different spatial levels that influence the balance between developing, equilibrium, and depressive areas are identified. The conclusion is drawn about the difficult economic situation of settlements in the equilibrium zone and their exhaustion as a source of human capital for central cities.

Keywords: Volga-Ural macroregion, province, semi-periphery, equilibrium zone, Saratov region, regional development, center-periphery

For citation: Preobrazhenskiy Yu. V. The disparity in development across the Volga-Ural region: A fragile semi-periphery. *Izvestiya of Saratov University. Earth Sciences*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 20–29 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2025-25-1-20-29>, EDN: GNEDVX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Сложная социально-экономическая ситуация, характерная для большинства регионов страны, требует анализа потенциала их развития и диагностики резервов, в частности челове-

ческого капитала. Важно определить те пространственные структуры населения и хозяйства в пределах регионов и макрорегионов (в настоящем тексте – Волго-Уральского макрорегиона), на которые будет опираться развитие, а также те, которые являются наиболее уязвимыми

перед процессами социально-экономической деградации. Это позволит перейти к построению сценариев регионального развития, обеспечить взвешенный анализ для документов стратегического планирования, в частности стратегий социально-экономического развития регионов и, возможно, макрорегионов.

Для Волго-Уральского макрорегиона характерна проблема недостатка локальных центров развития – населённых пунктов, способных организовать прилегающую территорию, сокращение населения ещё более усиливает её. Проблематика выявления центра и периферии пространственного развития в свете заявленных вызовов требует более дробного подхода, подразумевающего выделение переходной зоны – полупериферии или «зоны равновесия» как промежуточного звена между растущими центрами и деградирующей периферией. Необходимо осмыслить потенциал макрорегионального развития в условиях негативных факторов, проявляющихся на разных пространственных иерархических уровнях. Данная статья посвящена преимущественно социально-демографической компоненте регионального развития, однако при её анализе важно держать в голове весь комплекс социально-экономических и экологических противоречий. Ставится задача выявления зоны равновесия в пределах Волго-Уральского макрорегиона, анализа её потенциала для будущего развития и возможной трансформации.

Предшествующие исследования

Двадцать лет назад (в 2004 году) В. Л. Глазычев подготовил обширный доклад на тему «Россия: принципы пространственного развития» [1], в котором затронул ряд теоретических и практических вопросов по теме. Не являясь географом в смысле профессиональной подготовки (а доктором культурологии), он, тем не менее, (или как ни парадоксально – благодаря этому) смог очертить многообразие проблем, стоящих перед пространственным планированием России. Большинство из них (проблемы доступа к информации на низовом уровне конкретных поселений, описания человеческого капитала конкретной территории, «смычки» научного сообщества и административного аппарата) не решены до сих пор и даже в каком-то смысле «заморожены» в условиях отсутствия энтузиазма перемен, свойственного тому времени (начало 2000-х гг.).

В данном докладе автор выделяет в пределах региона три зоны по признаку потенциальной эффективности (необходимости) вмешательства государства (региональной политики): роста, равновесия и депрессивные территории. При этом для зон роста (подразделяющихся, в свою очередь, на условные подтипы первых, вторых

и третьих городов) субъектами или акторами развития выступают компании разного ранга, для зон равновесия от государства требуется только поддержание инфраструктуры, а депрессивные зоны могут сохранить своё население только при постоянных усилиях со стороны власти.

Зоны равновесия становятся особенно интересным предметом исследования в контексте трансформации такой трёхзонной конструкции, адаптации региона ко внешним и внутренним вызовам. Подобный подход показателен, он смещает фокус исследования с традиционных территориальных экономических систем в сторону более сложных и неустойчивых территориальных общностей людей. Для них анализируется представленность человеческого капитала, процессы маргинализации и факторы поддержания такими общностями устойчивости.

«В абсолютном большинстве случаев “зоны равновесия” способны удерживать баланс между образом жизни и уровнем жизни» [1]. В. Л. Глазычев приходит к интересному выводу, состоящему в том, что в отсутствие существенных различий между душевыми расходами, «...максимум отличий приходится на социально-психологические условия, в которых видит себя территориальное сообщество» [1]. Это подтверждает идею Е. Е. Лейзеровича, состоящую в том, что «...приоритетным становится районирование общества, а не территории» [2, с. 7].

В предлагаемой В. Л. Глазычевым трёхзонной модели фактически объединены два подхода. Первый основывается на теории Ф. Перру [3] и развивших её исследователей о полюсах роста (мы предлагаем более дифференцированно подходить к понятию полюса роста, выделяя также в зависимости от уровня влияния промышленного центра узел и точку роста – подробнее см. в [4]) и имеет в своей основе очевидную экономическую проблематику. Второй подход связан с резистентностью, устойчивостью территориальных обществ людей и предполагает делимитацию территориальных социальных систем. Это позволяет более комплексно и в то же время более детализированно рассмотреть трансформации территориальной общественной системы в целом. В общем виде упомянутая трёхзонная модель представлена на схеме (рис. 1).

Несколько другое описание сосуществования трёх зон привносит концепция центра и периферии в её модификации с выделением либо полупериферии (провинции), либо ближней и дальней периферии. Полюса роста условно соответствуют центру (ядру), зоны равновесия – провинции, депрессивные зоны – периферии. Имея разные стартовые позиции, центры, как правило, опережают в росте другие зоны в пределах региона. В идеальной системе они способны компенсировать это передачей позитивных импульсов развития на сопредельные территории и поддержанием периферии за счёт разного рода

компенсационных механизмов. Однако реальная ситуация далека от подобного позитивного сценария и характеризуется нарастанием центр-периферийных различий и фиксирующихся географами эффектов поляризации, периферизации, маргинализации и др. Например, В. Ю. Кузин предлагает понимать периферизацию как «пространственное расширение периферийных территорий, сопровождаемое негативными социально-экономическими процессами и их нисходящей динамикой» [5, с. 12].

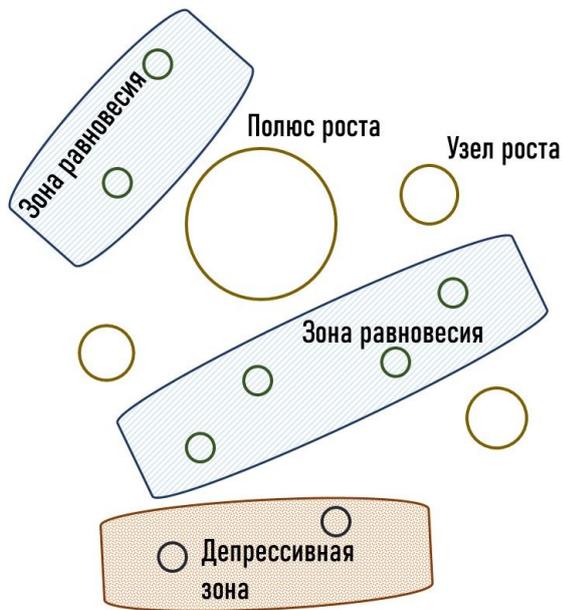

Рис. 1. Схема трёх зон по динамике развития, составленная на основе интерпретации существующих концепций (цвет онлайн)

Очевидно, что неравномерность регионального развития, с одной стороны, является внутренним драйвером роста, с другой – в случае значительных диспропорций и территориальных градиентов – может приводить к негативным последствиям для региона в целом.

Для центр-периферийной модели М. Ю. Казаков выделяет процессы центростремительного и центробежного дрейфа периферийных территорий, отражающего пространственно экономическое сближение периферийных территорий с центром или отдаление от него [6]. Указанные процессы необязательно исключают друг друга и могут происходить параллельно, переформируя состав ближней и дальней периферии. При этом «...периферийные территории имеют свои средовые характеристики и временные отрезки функционирования, которые могут полностью противоречить общей траектории развития региона» [6, с. 310].

Заметим, что трёхчленная модель описания пространственных процессов несомненно

обладает большей гибкостью и большей приближенностью к реальности по сравнению с двух-составными моделями, где одна часть построена на инверсии и отрицании первой. В целом модель «центр-периферия» является гораздо более проработанной в теоретическом отношении и позволяет как фиксировать усиление центр-периферийного градиента (что в исследовательском плане достаточно несложно), так и описывать количественное и качественное изменение потоков, связей между центром, полупериферией и периферией (что гораздо сложнее).

Трёхзонную модель также можно рассмотреть с позиции воспроизводственного подхода: в зонах роста наблюдается расширенное воспроизводство основных социально-экономических показателей, для зоны равновесия характерно простое воспроизводство, а для депрессивной зоны – суженное. Очевидно, что продолжительное суженное воспроизводство основных благ рано или поздно приведёт к окончательной деградации депрессивных зон и полной потере населения в них. Интересно, что с административной точки зрения это скорее положительный результат, поскольку исчезновение депрессивной зоны как бы приближает границу ответственности к более благополучной зоне равновесия, обладающей (до определённого времени) большей устойчивостью. Также региональные власти избавляются от «чёрной дыры», поглощающей всю направляемую туда помощь. Таким образом, в ряде ситуаций «...издержки контроля над... периферией оказываются существенно выше, нежели блага, которые подобный контроль может дать. Гораздо проще и эффективнее объявляется просто объявить эту часть периферии «пустой» [7, с. 14]. Однако весьма вероятно, что такого рода трёхзонная пространственная конструкция остаётся устойчивой только при наличии всех трёх зон, и депрессивные процессы начнут проникать в зону равновесия, трансформируя основы её резистентности.

Материалы и методы

Для анализа пространственных контуров и значения зоны равновесия (провинции) для всего Волго-Уральского макрорегиона используется следующая последовательность исследования.

На первом этапе выделяются первые, вторые и третьи города в зависимости от численности их населения и положения относительно административного центра. Первые города – центры своих субъектов РФ, вторые города должны иметь людность не менее 200 тысяч жителей и находиться на известном удалении от первого, по крайней мере, не формировать с ним агломерацию. Численность населения третьих городов – от 100 до 200 тысяч жителей.

На втором этапе динамика индекса качества городской среды в период 2018–2023 гг.

сопоставляется с изменением населения городов за тот же временной отрезок. Индекс качества городской среды составляется на основе шести блоков [8]. На третьем этапе анализируется экономический блок проблем, присущих городам макрорегиона. Четвёртый этап предполагает определение будущих очертаний зон равновесия и проблем и перспектив трансформации трёхзонной модели в целом.

Результаты и их обсуждение

Типология городов Волго-Уральского макрорегиона по населённым пунктам разной величины и потенциалу выступать в качестве полюсов и узлов роста представлена в табл. 1. Здесь есть несколько методологических сложностей, связанных с территориальным сближением городов. Например, в Башкирии выделяется агломерация Стерлитамак (по всем признакам второй город Республики) – Салават – Мелеуз. Рассматривать три этих города вместе как один полюс (или узел) роста или подходить дифференцированно? Более оправданным представляется первое решение. Вопрос с формирующейся агломерацией Самара – Тольятти проще: в силу удалённости второго города и его ярко выраженной отраслевой специализации он должен быть рассмотрен отдельно.

Говоря о полюсе роста, следует иметь в виду его межотраслевое и пространственное проявление. Первое заключается в том, что одна или две-три отрасли (так называемые пропульсивные отрасли) в полюсе роста положительно влияют на развитие смежных отраслей в экономике города, в результате чего проявляются синергетический и мультипликативный эффект. Второе проявление полюса роста заключается в позитивном воздействии на прилегающую территорию, что может быть оценено по динамике промышленного развития городов-спутников полюса роста или по опережающему развитию инфраструктуры в пределах какого-то радиуса вокруг полюса.

Наиболее распространённый подход (который используется и в настоящей работе) имеет в своей основе допущение, что экономическое развитие населённого пункта приводит к увеличению его людности, а деградация – к оттоку населения. Однако в сложных экономических условиях население может выбирать не развивающийся, а стагнирующий или деградирующий медленнее остальных город. Также нужно учитывать и негативную динамику естественного прироста в большинстве рассматриваемых регионов. Накапливаясь в течении ряда лет, естественная убыль населения вносит свои коррективы в динамику людности городов. Держа в уме демографический фактор, следует с осторожностью оценивать динамику людности городов несколько более благополучной в этом отношении Республики Башкортостан в сравнении, например, с Ульяновской областью. Именно в Башкирии наблюдается наибольшее число городов, чьё население выросло в период 2018–2023 гг., тогда как в Ульяновской области население сокращалось во всех городах, а в Пензенской области вырост людности только одного города (Белинского) (рис. 2).

Качество городской среды выросло за рассматриваемый период практически во всех городах Волго-Уральского макрорегиона. С позиции пространственного подхода сложно заметить какую-нибудь закономерность в динамике качества городской среды (рис. 3). Следует отметить, что рост индекса в ряде небольших городов за шестилетний период (2018–2023 гг.) настолько существенен, что такими темпами к году 2030-му можно ожидать, что по качеству городской среды они сравняются с мировыми лидерами – Веней, Мельбурном и др.

Результат сопоставления двух динамик – людности и качества городской среды – приведён в табл. 2.

Ситуация, при которой качество городской среды улучшается (причём значения индекса растут весьма интенсивно), а население достаточно активно сокращается, подводит к вопросу

Таблица 1

Первые, второй и третий города Волго-Уральского макрорегиона

Субъект РФ	Первый город	Второй город	Третий город
Республика Башкирия	Уфа	Стерлитамак-Салават-Мелеуз	Нефтекамск, Октябрьский
Оренбургская область	Оренбург	Орск-Новотроицк	Бузулук
Самарская область	Самара-Чапаевск-Новокуйбышевск-Кинель	Тольятти	Сызрань, Жигулёвск
Саратовская область	Саратов-Энгельс	Балаково	Балашиов, Вольск
Пензенская область	Пенза-Заречный	–	Кузнецк
Ульяновская область	Ульяновск-Новоульяновск	Димитровград	–

Примечание. Курсивом выделены условно третьи города (50–100 тыс. жителей). Сост. по: [9].

Динамика людности (2018–2023 гг.)

- более 1.05
- 1 — 1.05
- 0.95 — 1
- 0.9 — 0.95
- менее 0.9

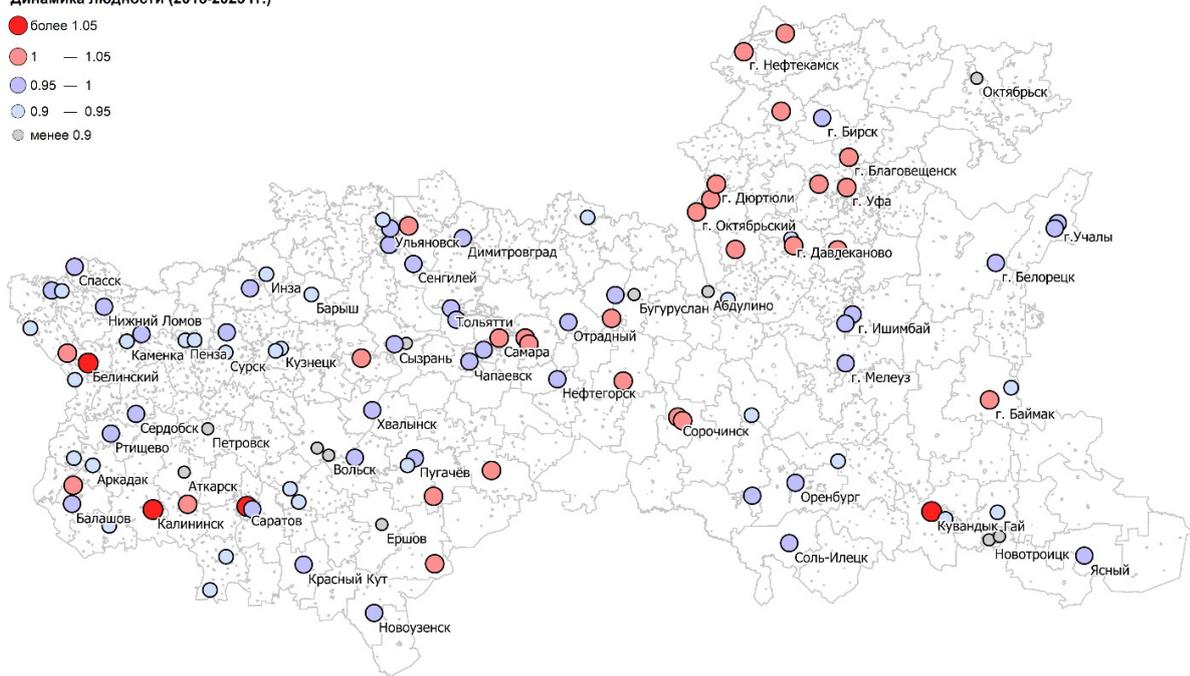

Рис. 2. Изменение людности городов Волго-Уральского макрорегиона, 2018–2023 гг., раз (карта составлена Д. Папилиным) (цвет онлайн)

Изменение индекса качества городской среды

- 52 до 75
- 42 до 52
- 36 до 42
- 28 до 36
- -5 до 28

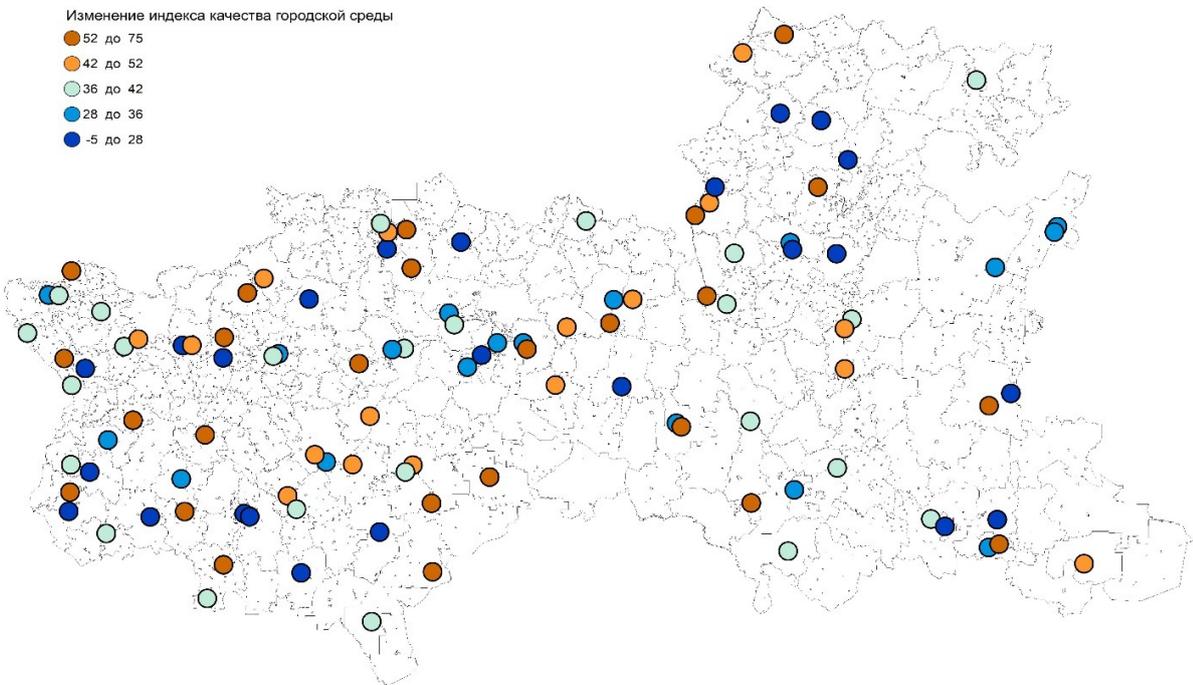

Рис. 3. Изменение качества городской среды в городах Волго-Уральского макрорегиона, 2018–2023, пунктов (карта составлена Д. Папилиным по расчётам на основе данных [8]) (цвет онлайн)

Таблица 2

Сопоставление динамики людности городов и индекса качества городской среды в 2018–2023 гг.

Характер динамики	Значение индекса выросло	Значение индекса снизилось
Положительная динамика людности	Белинский, Бузулук, Сорочинск, Кувандык, Самара, Кинель, Саратов, Калининск, Уфа, Нефтекамск, Октябрьский, Баймак, Дюртюли, Туймазы, Янаул	Благовещенск
Отрицательная динамика людности	Все прочие города	–

Сост. по: [8, 9].

о первичности влияния качества городской среды на внутренний и внешний прирост населения городов. Безусловно, фактор качества городской среды имеет для жителей большое значение, но определять естественный и механический прирост он будет только после удовлетворения первичных для рассматриваемого вопроса экономических потребностей.

Совпадение сравнительно высокой заработной платы с административными центрами рассматриваемых регионов – ожидаемое наблюдение, в разрезе темы данной статьи больший интерес представляют её перепады внутри макрорегиона (рис. 4). Здесь обращают на себя внимание зоны относительно высокой (пусть и меньшей, чем в центрах) заработной платы

вокруг Уфы и Самары, а также вдоль границ Республики Башкортостан и Оренбургской области.

Возвращаясь к провинции (или зоне равновесия в понимании В. Л. Глазычева), рассмотрим на примере Саратовской области, как изменилась людность населения в городах разных классов со времени последней советской переписи 1989 года (рис. 5). Снижение людности в средних и малых городах при одновременном росте больших и особенно крупных даёт основание предполагать реципиентную (принимающую) функцию последних. Однако в действительности ситуация несколько сложнее. Соотношение городов разных классов людности в четырёх временных срезах представлено в виде гистограммы (см. рис. 5).

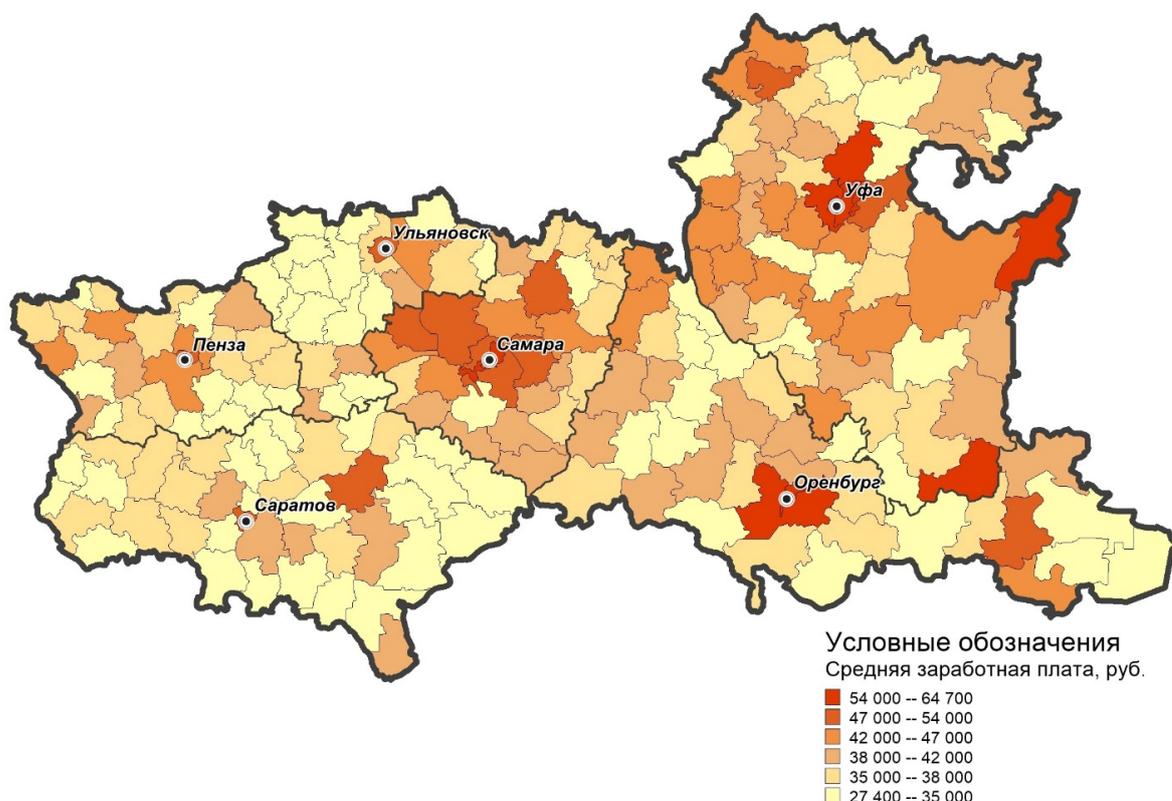

Рис. 4. Средняя заработная плата муниципальных районов, входящих в состав Волго-Уральского макрорегиона, 2022 г. (карта составлена К. Бочарниковым) (цвет онлайн)

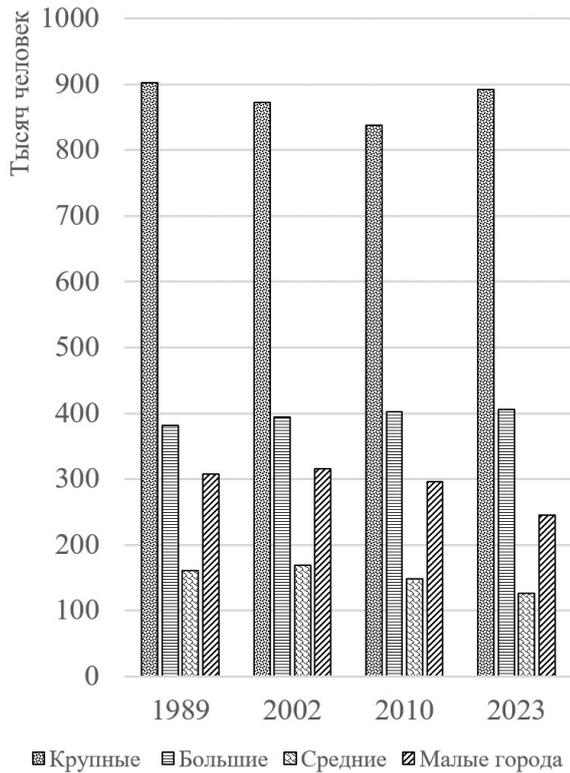

Рис. 5. Численность населения по классам городов в Саратовской области (сост. по: [10])

В отношении крупных городов (в этот класс входит только Саратов) нужно учитывать, что население последнего выросло преимущественно за счёт административных преобразований его территории. Данные в старых границах, вероятнее всего, показали бы продолжение тренда на снижение людности Саратова. Наиболее стабильна с 1989 г. группа больших городов, к которой относятся Балаково и Энгельс, однако при декомпозиции данного класса можно заметить снижение людности в Балакове и её рост в Энгельсе. Вероятно, здесь существенна роль близости последнего к Саратову, что подкрепляет гипотезу о крупнейших городах как наиболее устойчивых в системе расселения.

Сокращается население и средних, и малых городов – процесс, проявивший себя с начала века. Однако оно уменьшается необязательно за счёт оттока населения, а вполне отвечает тенденциям снижения численности населения в силу естественного движения. Общероссийская тенденция в старении населения сама по себе сильно сужает потенциал пространственно активного молодого населения. Так, если в 2002 г. численность мужчин в возрастах 20–30 лет в Саратовской области составляла около 190 тыс. человек, а женщин – около 187 тыс. человек, то к 2024 г. в этих же группах численность населения составляла 122 и 117 тыс. жителей соответственно [10]. В сравнении с регионом в целом для малых и средних городов данная (20–30 лет) возрастная

когорта в структурном отношении может быть меньше из-за более пожилого населения.

Таким образом, абсолютные цифры потенциального человеческого капитала в масштабах области сравнительно невелики. Городами-аттракторами для активного молодого населения являются скорее не административный центр Саратовской области, а города-миллионеры как в макрорегионе (Самара, Уфа), так и вне его. Здесь, впрочем, требуется более адресная статистика.

Пространственное измерение динамики населения, вероятнее всего, будет определяться продолжающимся процессом социально-экономической поляризации и тяготением системы расселения к наиболее устойчивым элементам поля расселения. В работе [11] нами было произведено моделирование трансформации поля потенциала поля расселения будет наблюдаться в пределах Уфимской и Самарско-Тольяттинской агломерации с продолжением к северу – на Ульяновск и Республику Татарстан (рис. 6). В то же время заметны и своеобразные оси с пониженным потенциалом поля расселения, отделяющие Самарскую область от Саратовской и Башкортостана. Именно здесь, по всей вероятности, можно будет наблюдать опережающее сокращение населения.

Процессы центростремительной направленности, определяемые комплексом факторов, как социально-культурной, так и экономической природы, будут способствовать дальнейшей концентрации населения в немногих центрах в пределах Волго-Уральского макрорегиона. В то же время и в них остаются нерешёнными проблемы, связанные, например, во многих случаях с критическим состоянием ЖКХ, межэтническим взаимодействием, экологической ситуацией. При этом будут проявлять себя и процессы центробежного дрейфа, уменьшая долю зоны равновесия и увеличивая депрессивную зону.

Проявление данных тенденций находится в тесной связи с развитием территориальной экономической системы в пределах Волго-Уральского макрорегиона, а она, в свою очередь, во многом будет определяться процессами в инновационном пространстве, в частности созданием надрегиональной инновационной системы [12]. В территориальном выражении следует учитывать взаимное наложение расселения населения, территориальной экономической системы и контуров инновационного пространства. Локализация двух последних в немногих центрах будет приводить к деградации системы расселения, росту зоны периферии. Однако и для отдельных центров в пределах макрорегиона насыщенность производств представляется недостаточной.

Приведённая далее цитата Б. Б. Родома-на касается культурного ландшафта, но также

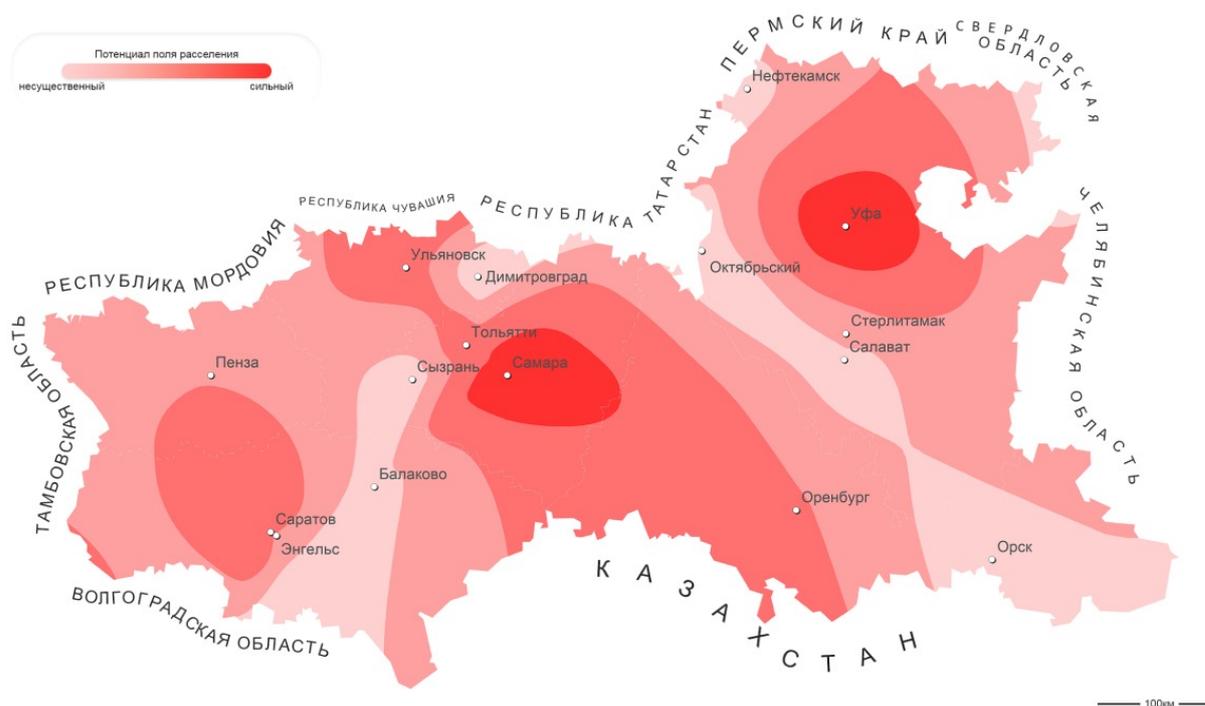

Рис. 6. Потенциал поля расселения Волго-Уральского макрорегиона, прогноз на 2038 г. [11] (цвет онлайн)

верно описывает ситуацию в пространственных социально-экономических системах регионального и надрегионального уровня в целом: «Российский культурный ландшафт сильно централизован и поэтому отличается анизотропией – в нём резко преобладают направления и потоки радиальные, связывающие каждую точку с вышестоящим административным центром и в конечном счёте с Москвой; отмирают связи между соседними регионами и поселениями одного ранга, если они не пронизаны дорогой, ведущей в столицу» [13, с. 11]. Переломить эту, безусловно, негативную тенденцию возможно при условии насыщения экономического пространства макрорегиона и развития вследствие этого горизонтальных связей между городами.

Для многих городов рассматриваемого макрорегиона переход к возможному позитивному сценарию связан с преодолением ключевой проблемы в промышленном развитии. Это группа моноотраслевых городов, испытывающих проблемы в функционировании единственной отрасли, как правило, представленной единственным (градообразующим) предприятием. Генезис их проблем имеет очевидное единство: они создавались в советский период в расчёте на более сложные и интенсивные (по сравнению с текущим периодом) кооперационные связи и на более обширный рынок, включающий помимо республик СССР страны блока СЭВ и некоторые страны так называемого третьего мира. Очевидно, что в результате перехода к рынку нарушение связей в цепочках создания добавленной стоимости и от-

сутствие разумной протекционистской политики привело к процессам деградации в моногородах. В пределах макрорегиона таких городов довольно много, нормативный документ [14] позволяет группировать их в три блока (табл. 3).

Наиболее сложная ситуация сложилась в городах, чья промышленная специализация связана с машиностроением. В Республике Башкортостан сюда относятся Белебеевский завод «Автономаль», ООО «Белебеевский завод “Автокомплект”», ООО «Белебеевское предприятие “Автодеталь”» ОАО «Кумертауское авиационное производственное предприятие», в Самарской области – АвтоВАЗ, в Ульяновской области – ОАО «Димитровградский автоагрегатный завод», ООО «Димитровградский завод светотехники», ООО «Димитровградский инструментальный завод», в Пензенской – ЗАО «Сердобский машиностроительный завод». В других городах ситуация с машиностроительной отраслью, как правило, также сложная или кризисная, однако она не настолько явно проявлена на фоне других промышленных производств [15]. Проблемы моноотраслевых городов в Оренбургской области в основном связаны с ведущей отраслью восточной части этого региона – металлургией. Это ОАО «Уральская сталь» в Новотроицке и ОАО «Южно-Уральский криолитовый завод» в Кувандыке.

Перспективы развития городов имеют несколько определяющих их рамок на разных иерархически увязанных пространственных уровнях. Их можно обозначить как надре-

Таблица 3

**Характеристика моногородов Волго-Уральская макрорегиона
по сложности социально-экономического состояния**

Субъект РФ	Моногорода		
	со стабильной социально-экономической ситуацией	с рисками ухудшения социально-экономического положения	с наиболее сложным социально-экономическим положением
Республика Башкортостан	Учалы, Благовещенск	Белорецк, Нефтекамск	Белебей, Кумертау
Оренбургская область	Соль-Илецк, Ясный	Медногорск, Гай	Новотроицк, Кувандык
Самарская область	Новокуйбышевск, Чапаевск	–	Тольятти
Саратовская область	–	Петровск, Вольск	–
Ульяновская область	–	Новоульяновск, Инза	Димитровград
Пензенская область	Заречный	Сердобск, Никольск	–

Сост. по: [14].

гиональная, федеральная и континентальная. Они определяют критические экзогенные детерминанты, ограничивающие развитие или способствующие ему.

В частности, первая (надрегиональная) рамка определяет возможности социально-экономического развития в пределах макрорегиона, связность структур населения и хозяйства на микро- и мезоуровне. Ключевой мерой поддержки здесь является инфраструктурное развитие (в широком смысле, включая социальную инфраструктуру и институциональное развитие). Отмеченные выше в тексте проблемы, связанные с недостатком реальных и потенциальных точек и полюсов роста, «...могло бы компенсировать их взаимодействие в пределах не отдельных регионов, а надрегионального образования путём усиления связей между ними и формирования урбанизированного каркаса» [16, с. 234].

На федеральном (страновом) уровне рамка, сдерживающая потенциал развития, носит нормативный и институциональный характер. Она во многом определяет взаимодействие хозяйствующих субъектов, научно-технологическую политику и другие принципиально важные аспекты развития экономики по всей полноте детерминирующих факторов.

На континентальном (и глобальном) уровне ограничения задаются мировой экономической конъюнктурой (в частности, на продукцию, низких переделов, во многом составляющую экспортные статьи волго-уральских регионов) и сложной геополитической обстановкой. Сценарии развития макрорегиона, таким образом, являются результирующей изменения контуров трёх упомянутых рамок в пределах определённого периода.

Адаптационный подход [17] в отношении городов рассматриваемого региона предполагает оценку их потенциала для приспособления к изменившимся условиям. Можно ожидать большую вероятность к адаптации у тех центров, которые обладают достаточными ресур-

сами для проявления гибкости. Неясны перспективы небольших городов, расположенных в пределах Волго-Уральской нефтегазоносной провинции и в той или иной роли обслуживающих топливно-энергетический комплекс, в том числе, и экспортную его составляющую. Изменения на континентальном уровне могут привести к их стагнации, что существенным образом сократит число узлов и точек роста и ещё больше поляризует регионы по линии центр-периферия.

Исчерпание человеческого капитала и экономического ресурса провинции трансформирует трёхчастную систему в более простую, двухчастную, которая по очевидным причинам является более уязвимой перед лицом вызовов разного уровня и характера.

Выводы

Проведённый анализ на основе сочетания нескольких концептуальных подходов позволил показать снижение значения зоны равновесия в силу снижения (исчерпания?) её демографического потенциала, вероятное усиление центр-периферийных противоречий в результате процессов центробежного дрейфа. Причём подобные противоречия будут проявляться, по всей видимости, не только в пределах всего макрорегиона, но и в пределах регионов, отдельных муниципальных образований и даже крупнейших городов. Фрагментированный характер сочетания социально-экономического развития и деградации затрудняет построение сценариев региональной динамики в целом. В то же время очевиден ряд факторов, которые существенным образом будут лимитировать её положительное направление. К эндогенным факторам относятся старение населения и низкий суммарный коэффициент рождаемости, к экзогенным – хозяйственная «автаркизация» страны, связанная со слабым присутствием отечественной промышленности в мировом разделении труда. В случае сохранения данных лимитирующих факторов

сложно будет говорить о позитивных сценариях развития. Скорее речь может идти о том, что наиболее устойчивые региональные структуры населения и хозяйства станут своеобразной зоной равновесия, подпитывающей несколько городов-миллионеров в пределах страны.

Библиографический список

1. Глазычев В. Л. Россия. Пространственное развитие: Доклад. 2004. URL: http://www.glazychhev.ru/projects/2004_ProstRazv/2004_DocladProstRazv.htm (дата обращения: 03.09.2024).
2. Лейзерович Е. Е. Об основных экономических районах (макрорайонах) России // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 4–11. EDN: SYCOXN
3. Perroux F. Economic space: Theory and applications // The Quarterly Journal of Economics. 1950. Vol. 64, № 1. P. 89–104.
4. Преображенский Ю. В. Точки роста и узлы развития Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Науки о Земле. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 76–81. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2017-17-2-76-81>, EDN: YLXZIX
5. Кузин В. Ю. Периферизация как тренд пространственного развития России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2019. Т. 5, № 2. С. 11–25. EDN: СКНЕРН
6. Казаков М. Ю. Пространственно-экономические системы «центр-периферия»: теоретические основы, диагностика проблем, стратегические направления развития. Ставрополь : АГРУС, 2020. 608 с. EDN: NUHUCR
7. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В. Периферийные пространства как исследовательская проблема и объект исследования // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2023. № 1 (1). С. 7–26. URL: <https://periphery-pnu.ru/periphery/article/view/24/28>. EDN: FMEZXX
8. Индекс качества городской среды. URL: <https://xn----dtbcccddtsyabxk.xn--p1ai/> (дата обращения: 25.09.2024).
9. Муниципальная статистика. URL: <https://rosstat.gov.ru/munstat> (дата обращения: 15.10.2024).
10. Официальные публикации Саратовстата. URL: <https://64.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 14.10.2024).
11. Преображенский Ю. В., Дувакин Д. А. Система расселения Волго-Уральского макрорегиона: потенциал поля расселения и перспективы трансформации // Вестник Тверского государственного университета. Серия : География и геоэкология. 2023. № 4 (44). С. 73–83. <https://doi.org/10.26456/2226-7719-2023-4-73-83>, EDN: GHNZSO
12. Преображенский Ю. В., Моисеев Д. С. Территориальная производственная система Волго-Уральского макрорегиона: тенденции поляризации 2005–2021 гг. и потенциал развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Науки о Земле. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 11–18. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2024-24-1-11-18>, EDN: OWIVIO
13. Родоман Б. Б. Главные особенности российского культурного ландшафта // Наследие и современность. 2020. Т. 3, № 4. С. 10–17. EDN: IAZRPY
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 года № 1398-р О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)(с изменениями на 21 января 2020 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420210942?ysclid=m2trc5pisj850072909> (дата обращения: 05.10.2024).
15. Гусев В. А., Макарецва Л. В., Молочко А. В., Преображенский Ю. В., Уставщикова С. В., Цобберг О. А. Поволжский экономический район: население и экономика. Саратов : ИП Кирсанова М. В., 2021. 208 с. EDN: FWCHAW
16. Преображенский Ю. В. Пространственное планирование на макро- и микроуровне: проблемы таксономии и поляризации (на примере Волго-Уральского макрорегиона) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Науки о Земле. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 228–235. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2021-21-4-228-235>, EDN: LCOEVS
17. Фомин М. В., Мирязов Т. Р. Сценарии развития систем расселения Сибири и Дальнего Востока России до 2030 года // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 3. С. 105–122. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.9>, EDN: KCXJUA

Поступила в редакцию 18.10.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 19.12.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 18.10.2024; approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 19.12.2024; published 28.02.2025